

На краю Империи:
Приврак на рейде
Silver Star

18+

На краю Империи.

SilverStar

**На краю Империи:
Призрак на рейде.**

«Автор»

2026

SilverStar

На краю Империи: Призрак на рейде. / SilverStar — «Автор»,
2026 — (На краю Империи.)

Владивосток, 1910 год. Роскошный пароход «Океанида» входит в бухту Золотой Рог. На его борту произошло убийство, которое грозит международным скандалом. Трое необычных детективов: русский сыщик Артём Волков, китайский учёный Ли Мин и молчаливый удэгеец Нимаха берутся за расследование, даже не подозревая, что простое, на первый взгляд, дело обернётся охотой за секретным оружием. Японские агенты, британская разведка, китайские хунхузы и революционеры-идеалисты, все хотят завладеть загадочным аппаратом, способным менять ход истории. Но есть и те, кто остаётся в тени дольше других. Гонка начинается на палубе «Океаниды», продолжается в ледяных водах пролива Босфор Восточный и заканчивается в подземных лабиринтах острова Шкота. Атмосферный детектив с элементами мистики и исторического триллера перенесёт читателя в атмосферу начала XX века, где технологии будущего соседствуют с древними тайнами, а правда оказывается куда страшнее вымысла.

© SilverStar, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Туман и сталь.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

На краю Империи: Призрак на рейде.

Пролог. Туман и сталь.

Ночь на 3 ноября 1910 года. Пролив Босфор Восточный.

Здесь туман ощущался как нечто большее, чем просто влажный воздух – это была ожившая древняя сила, поднимающаяся из самых глубин. Могучая, осязаемая, почти живая, она выходила из чёрных вод, не подвластных даже шторму, неся в себе отголосок солёного дыхания Японского моря.

Туман впитывал свет, приглушал звуки до шёпота и растягивал время, превращая минуты в тягучие часы. Он стёр границы мира, горизонт растворился, очертания берегов расплылись, а далёкие скалы прятались в белёсой мгле, как затаившиеся чудовища. В такой пелене можно было плыть вечность и остаться на том же месте, будто время и пространство утратили смысл. Или внезапно натолкнуться на гранитную громаду, вынырнувшую из тумана в последний миг, настолько близко, что слышен глухой стук корпуса о камень и скрежет, от которого стынет кровь.

Японский катер «Сирануи» (Призрачный Огонь) был создан для скрытности. Длинный, низкий, с замаскированными под цвет моря бортами, он рассекал туманную пелену без огней, почти без звука. Лишь сдержанное, прерывистое урчание его двигателя, да тихий перезвон штурманских инструментов в рубке нарушали гнетущее безмолвие.

Костлявые пальцы капитана Куросава, сжимали подзорную трубу, хотя видел он в неё ровно ничего. Его реальность сжалась до единственного указателя, направляющего его путь, дрожащей в свете электрической лампы, стрелки компаса и до собственного напряжённого

слуха. Он ловил каждый шорох за бортом, плеск волны, далёкий крик чайки, скрип снастей собственного катера. Груз, который они везли в трюме, стоил больше, чем жизнь каждого из двенадцати человек на борту. Больше, пожалуй, чем жизнь самого капитана.

«Ещё полчаса, — мысленно твердил он. — Ещё полчаса, и мы будем в безопасном месте. Ещё час, и передача в условленной точке».

Его первый помощник, молодой лейтенант с лицом, застывшим в маске служебного рвения, прошептал:

— Ничего не видно, капитан. Идеальные условия.

— Самые опасные условия, — сквозь зубы пробурчал Куросава. — Туман скрывает не только нас.

И тут его слух, отточенный двумя десятилетиями скитаний по бескрайним морским просторам, уловил нечто чуждое. Не голос стихии, не звук, рождённый природой, а нечто искусственное, враждебное, нарушающее вековой порядок волн и ветра.

Тихое, мерное поскрипывание пронизало густую, молочно-белую пелену тумана, будто кто-то осторожно провёл ногтем по натянутой струне. Это был звук уключин. Десятки, а может, и сотни уключин, работающих в едином, пугающе слаженном ритме, как механизм древнего, зловещего часового устройства. Звук то нарастал, с силой вибрируя в воздухе, то снова стихал, превращаясь в едва уловимый шёпот, не то ветра, не то от стонов забытых душ, обречённых вечно блуждать меж волн.

Для любого другого этот звук остался бы незамеченным, растворившись в ночной тишине, но для старого моряка, чья жизнь прошла в объятиях неукротимого океана, он прозвучал оглушительно, громче пушечного выстрела, резче удара шквала о борт корабля. Он интуитивно понимал, что эти звуки несут в себе опасность. Это была древняя, необъяснимая угроза, как будто само море, из своих бездонных глубин, пробуждало свои мрачные, забытые секреты. Кожа покрылась мурашками, а в груди зашевелилось то самое чувство, знакомое, горькое предчувствие беды, которое никогда не обманывало тех, кто слишком долго смотрел в глаза стихии.

Не раздумывая, капитан метнулся к левому борту, вглядываясь в молочно-белую стену тумана, которая как живой организм пульсировала вокруг корабля. Сначала ему показалось, что это игра воображения, обман уставших глаз. Однако, мало-помалу, подобно тому, как на старой фотопластинке проступает изображение, из молочной пелены стали вырисовываться некие очертания.

Сначала возникла носовая фигура, старинный деревянный дракон с облупленной, потрескавшейся чешуёй и пустыми глазницами, в которых, казалось, до сих пор таилась древняя ярость. Затем проступил борт, низкий, широкий, тёмный, как будто вырубленный из гнилого дерева, хранящего память о тысяче штормов. Это была китайская джонка.

И тут же, как по зловещему сигналу, справа из тумана вынырнула вторая. Прямо по носу, точно материализовавшись из самих облаков, возникла третья. Они появлялись из ниоткуда, как призраки забытой легенды, как тени прошлого, вернувшиеся взыскать древний долг.

Их борта были тщательно обшиты рваной парусиной, хитрый приём, превращавший деревянные корпуса джонок в бесшумные корабли охотников. На палубах, скрытых в туманной дымке, мелькали темные очертания людей, их поступь была размеренной и без эмоциональной, как у заводных игрушек.

Внезапно резкий, хриплый окрик разорвал напряжённую тишину, пролетев над водой, как стальной клинок. Голос звучал не на японском, не на русском — это был грубый китайский диалект, насыщенный угрозами и непреклонной волей.

— Остановить ход! Подготовиться к досмотру! — прогремел приказ, от которого по спине пробежал ледяной озноб.

— Хунхузы! — выдохнул капитан, и слово это, словно морозный ветер с северных гор, пронеслось по палубе, заставляя каждого ощутить леденящий ужас.

На Дальнем Востоке не было человека, кто не знал бы этого зловещего слова. Оно передавалось шёпотом из уст в уста, оно звучало в предостережениях матерей, оно витало над торговыми путями как призрак неотвратимой беды. Хунхузы — разбойники и пираты, чья жестокость вошла в легенды, чьи набеги оставляли после себя лишь пепел и безмолвные могилы.

Лейтенант, не дожидаясь приказа, рванулся к пулемёту. Его стремительное движение стало тем самым искрящимся моментом, после которого мир взорвался хаосом.

Ослепительная вспышка, как молния в бурю, осветила джонку. Вслед за ней, резкий, сухой щелчок выстрела, подобный треску бича, пронзил напряжённую тишину. Лейтенант замер на полушаге, беззвучно открыл рот, он хотел, что-то сказать, но не успел. Тело его обмякло, и он грузно рухнул на палубу, оставив на досках тёмный, медленно расползающийся след.

— Все по местам! Отбить абордаж! — прогремел голос Куросавы, прерывая оцепенение.

Он рванул из кобуры свой армейский револьвер, старый, проверенный в сотнях схваток, с рукояткой, отполированной до блеска бесчисленными прикосновениями. Металл в ладони ощущался как единственное, что ещё связывало его с реальностью в этом безумии.

«Сирануи» вздрогнул, будто очнулся от долгого забытья, и внезапно ожил, не просто пробудился, а рванулся из оцепенения с хриплым стоном старых досок, протестующих против внезапной встряски. В ту же секунду вспыхнули резкие, ослепительные дульные вспышки винтовочных залпов. Алые и жёлтые искры, прорезавшие сумрак, как когти разъярённого зверя.

Крики, отрывистые команды, яростные проклятия смешались в оглушительный, хаотичный гул, он накатывал волнами, то захлёстывая всё вокруг, то ненадолго отступая, чтобы тут же обрушиться с новой силой. Кто-то хрипло отдавал приказы, кто-то взывал о помощи, кто-то изрыгал ругательства, полные отчаяния и ярости. Эхо выстрелов множилось, отражаясь от бортов, от мачт, от холодных металлических деталей, оно превращалось в какофонию, в ревуший хор битвы, пожирающий пространство.

А тишина... Она была мертва. Безвозвратно убита грохотом боя, разорвана на клочки свистом пуль и лязгом стали. Там, где ещё мгновение назад царили покой и безмолвие, теперь властвовал хаос, неукротимый, беспощадный, заполнивший собой каждый уголок, каждую щель на палубе, каждую трещину в древесине. Воздух дрожал от напряжения, пропитался пороховой гарью и металлическим привкусом крови, а над всем этим нависла тяжёлая, давящая атмосфера неизбежной развязки, той, что изменит всё.

Абордажные крючья, тяжёлые, кованые, с зазубренными шипами, отливающими тусклым металлом в полутьме, с резким свистом впились в деревянный борт «Сирануи», глубоко вонзившись в потрескавшуюся древесину. Они лязгнули о стальные элементы обшивки, о крепления, о поручни, о бронзовые накладки. Звук вышел хлётским, как удар кнута, и эхом разнёсся над водой.

По канатным лестницам, по толстым, промасленным верёвкам, а то и просто цепляясь крепкими мозолистыми руками за малейшие выступы, тёмные фигуры начали карабкаться наверх. Они двигались быстро, но без суеты, слаженно, как единый механизм. Силуэты казались чёрными на фоне сумрачного неба, лишь изредка их очертания проступали резкими контурами при вспышках выстрелов. Глаза хунхузов блестели в отражённом свете выстрелов, лица были искажены не яростью, а холодной, хищной решимостью. Они не кричали: «в атаку!». Они работали. Молча, методично, смертельно.

Бой на палубе был коротким и отчаянным, как взрыв пороха: яркий, яростный, мгновенный. Моряки Куросавы сражались с отчаянием обречённых, зная, что отступить некуда, за спиной лишь холодная бездна моря, а впереди кольцо безжалостных врагов. Они бились штыками, прикладами, ножами. Сталь звенела о сталь, глухие удары прикладов отдавались в костях, а

хриплые выдохи смешивались с лязгом оружия и тяжёлым дыханием. Кто-то выкрикнул имя, то ли молитву, то ли проклятие, но его тут же заглушил новый шквал ударов.

Моряков было меньше. Значительно меньше.

Хунхузы смыкали кольцо с холодной, расчётливой методичностью, не как разъярённая толпа, а будто были шестеренками в одном часовом механизме. Они не тратили силы на крики и угрозы, не теряли времени на показную ярость. Каждый шаг, каждый взмах клинка был точен, каждый манёвр согласован. Их тёмные силуэты, мелькающие в дыму и отблесках выстрелов, казались не людьми, а тенями, вышедшими из морских глубин, чтобы поглотить корабль и его экипаж.

Двое пиратов, ловкие, как макаки, проскочили через баррикаду из ящиков и ринулись к люку, ведущему в трюм. Один из японских моряков попытался преградить путь, но ему молча, почти не глядя, всадили длинный тесак даодао под ребро. Пираты исчезли в чреве корабля.

Трюмный воздух был насыщен стойким запахом машинного масла плотным, острым, с оттенком горечи, который смешивался с вьёвшейся за долгие годы промозглой сыростью, пропитавшей насквозь все конструкции. Эти привычные запахи морского судна смешивались с чем-то странным, непривычным, отчего по коже невольно бежали мурашки.

В воздухе витало электрическое напряжение, какое бывает перед грозой, когда небо наливается свинцовой тяжестью, а первые разряды молний прорезают тучи. Это был озон, свежий, острый, с металлической свежестью, словно где-то рядом искрили оголённые провода высокого напряжения. С каждым вдохом это ощущение усиливалось, оно щекотало ноздри, заставляло волоски на руках вставать дыбом, а кончики пальцев слегка покалывать. Воздух не просто пах, а вибрировал. Едва заметный отголосок, на грани осязания, но не как звук, а как незримая волна, которая пронизывает насквозь. Металлические детали едва заметно подрагивали, капли конденсата на трубах дрожали, как на поверхности, охваченной мелкой дрожью. Даже дыхание, казалось, отзывалось эхом в груди, то было чувство, что лёгкие втягивали не просто воздух, а сгустившуюся энергию, готовую в любой момент вырваться наружу.

В центре трюма, на массивной железной подставке с потускневшими болтами и следами ржавчины, стояло что-то. Очертания угадывались смутно, всё было тщательно укрыто плотной, грубоватой тканью цвета, выцветшего хаки. Ткань висела свободно, подчёркивая лишь какие-то выступающие детали, углы, панели. По её поверхности пробегали едва заметные блики, то ли от далёкого фонаря, то ли от чего-то, что таилось под ней.

Сорвав покрывало, пираты замерли, точно время на мгновение остановилось, а воздух превратился в желе.

Это не было похоже ни на сундук с золотом, ни на ящик с оружием. Это была конструкция. Аппарат. Матовые стальные панели, медные трубки, сложная паутина проводов, уходящих в толстый стеклянный цилиндр в центре. А внутри цилиндра...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.